

НОМО STALKER, ИЛИ ЗОНА КАК ПОЛЕ ОХОТЫ

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛЬМА АНДРЕЯ ТАРКОВСКОГО

«СТАЛКЕР»

Е.К. Соболевская

«Мир ловил меня, но не поймал»

Г. Скворода

О фильме Андрея Тарковского «Сталкер» написано немало и в аспекте киноведческой проблематики (см., напр.: [5, 10, 11, 14]), и в аспекте проблематики философско-культурологической (см., напр.: [2, 3, 6, 7, 12]). Однако данный фильм, как и полагается произведению подлинно символическому, остается неисчерпаемым и беспредельным в своем значении, многоликим и многосмысленным. Актуальность его в перспективе «большого времени» будет лишь возрастать. Для нас, ныне живущих на территории постсоветского пространства и тем более — на территории Украины, зафиксированный этим произведением символический образ действительности с его основополагающими характеристиками представляет особую ценность. Дело здесь, конечно же, не только в том, что Тарковский, как это уже принято говорить, предсказал своим произведением Чернобыльскую катастрофу (см., напр.: [13]), но и в том, что все же не повесть Стругацких, а именно фильм Тарковского породил и прочно утвердившееся в постсоветской культуре игровое пространство, и то совершенно реальное положение вещей, которое сложилось вокруг Чернобыльской зоны с его легальными и нелегальными экскурсиями, с его проводниками-сталкерами, учеными, писателями и всеми, кто испытывает нужду в острых ощущениях (см., напр.: [1]). Ни первое, ни второе не расценивается автором настоящей статьи в качестве тотальной бессмыслицы. Однако

Актуальні проблеми духовності:

зб. наук. праць / Ред.: Я.В. Шрамко

Вип. 12. — Кривий Ріг, 2011, 214–227 214

постоянное сосредоточение исключительно на конкретном пространственно-временном континууме, пусть и так явственно в определенной точке действительности обозначившемся, способствует лишь профанации художественного символа и вместе с тем — дальнейшему непониманию глубины и масштабов той подлинной катастрофической ситуации, в которую ввергнуто человечество и которую в высшей степени очевидно представил Тарковский, кстати говоря, не только в «Сталкере». Символический образ Зоны отнюдь не является образом локального порядка. Это образ действительности в целом, действительности без «пропусков», без пробелов, без альтернатив, действительности, как она реагирует на каждый совершаемый человеком поступок, будь то поступок внешнего или внутреннего порядка. Данный образ понуждает к вопрошанию о сущности человека, раскрывающейся в его *индивидуальном со-стоянии к миру*, когда человек *здесь и сейчас* держит ответ за происходящее в свете *высших общечеловеческих ценностей*, в свете *последней инстанции*. Однако эта общая картина, в контексте которой как раз и высвечиваются отдельные элементы целого, изучена далеко не в полном объеме. Прояснить некоторые до сего времени непроясненные аспекты символического образа Зоны — *цель настоящей статьи*.

Принимая во внимание тот факт, что именно Сталкер из всех героев фильма связан с Зоной наитеснейшими узами и что именно от него мы узнаем об этой таинственной местности практически все существенное, поддающееся изъяснению каким-либо образом, обратимся на первых порах к самому имени героя Тарковского и связанной с ним цепочке ассоциаций.

Как известно, имя *Сталкер* не является нововведением режиссера. Оно фигурировало еще в повести Стругацких. Правда, там оно выступало в качестве имени нарицательного, которое обозначало название целого класса людей, занимавшихся особым рода преступной деятельностью. Будучи преступниками с точки зрения социума, сталкеры у Стругацких совершенно нормальные люди, опытные и практичные, ведущие *охоту* за находящимися в Зоне артефактами с целью их продажи за вполне определенную сумму денег и, в общем, ничего более¹.

¹В одном из интервью Борис Стругацкий сообщает, что понятие «сталкер» ничего экстраординарного для авторов повести не означало. «В черновых разработках, — сознается он, — понятия „сталкер“ не было. Охотники за внеземными чудесами в Зоне назывались у нас „трапперы“ или просто „старатели“. И только в самый последний момент, может быть, на первой же странице черновика выскочило у кого-то из авторов это звонкое словечко, которое и было принято обоими на ура.

В произведении Тарковского нарицательное имя «сталкер» обретает статус не только имени собственного, но и явный, более глубокий символический смысл. Данный смысл обычно эксплицируется как *проводник человеческих душ* (см., напр.: [13]), что, в общем, соответствует целостному символическому образу произведения. Однако смысл охотничьего ореола, окружающего имя «сталкер», остается в тени. Тарковский же, представляя особого, из ряда вон выходящего Сталкера, не лишает своего героя, так сказать, охотничьей квалификации. Наоборот, охотничья сноровка Сталкера постоянно подчеркивается. И мы, соответственно, должны *отыскать, отследить, выследить* ту точку, где смысловые ореолы данных имен переплетаются.

Сталкер, как и следует из его имени, если полагаться на первоначальный англоязычный контекст, на самом деле *охотник*, или *ловчий*, то есть тот, кто руководит охотой. К данному контексту добавляются и соответствующие прозвища, которые в ходе разворачивающегося действия даются ему Писателем («Кожаный Чулок», «Чингачгук», «Большой Змей») и которые, в свою очередь, еще прочнее утверждают за ним статус пусть и своеобразного, но все же умелого *охотника, следопыта*. С этими наименованиями согласуется и способ поведения Сталкера. Он совершенно естественным образом использует привычную для него охотничью терминологию. Обладая особой, только ему известной техникой *умного вслушивания и всматривания* в окружающую действительность (включая и тех, кого он сюда приводит), Сталкер обходит предполагаемые ловушки и *непроходимые места*, нащупывает *безопасную тропу* и *указывает направление*. Он настойчиво понуждает своих спутников вести себя крайне осмотрительно, идти только *след в след* и главное — не нарушать, не разрушать, не вмешиваться грубым путем в сокровенную жизнь так называемой Зоны.

Но, при всей своей виртуозной охотничьей сноровке, немало опыта и обостренном чутье, Сталкер ведет себя все же неуверенно. У него нет твердых знаний, нет строго выверенной системы правил. Оказавшись очередной раз в Зоне, то есть «дома», что немаловажно отметить, он впадает в состояние какого-то неизбежного духовного преткновения,

Прямо скажем, словечко это неправильно образовано и не свидетельствует о высокой грамотности авторов. В английском языке есть слово *to stalk*, означающее (в частности) „идти крадучись“, „подкрадываться“. Но читается оно как „сток“, а значит, должно быть не „сталкер“, а „стокер“. Но мы-то взяли это слово не из словаря, а из древнего (конца 40-х) перевода замечательной книги Кипплинга „*Stalky & Co*“, который (перевод) АНС [Александр Николаевич Стругацкий. — *Е.С.*] сделал еще будучи курсантом ВИИЯка» [9].

замешательства и не знает, *как именно поступать на этот раз*. Сталкер направляет своих спутников всегда новыми, неизвестными тропами. В этом плане он сознательно не полагается на предшествующий опыт, поскольку весь его предшествующий опыт, впрочем, как и настоящий, свидетельствует лишь о том, что все, совершающееся в Зоне, *каждый раз совершается только здесь и сейчас* и практически не определяется опытом прошлого. «Зона — это [...] очень сложная система [...] ловушек, что ли, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, — поясняет он, — как все здесь приходит в движение. Бывшие ловушки исчезают, появляются новые. Безопасные места становятся непроходимыми, и путь делается то простым и легким, то запутывается до невозможности. Это — Зона. [...] В каждый момент она такова, какой мы ее сами сделали [...] своим состоянием» [8].

Таким образом, «поведение» Зоны никогда не соответствует ранее выверенному (*там и тогда*) положению вещей. Она изменчива, неустойчива, непредсказуема, поскольку изменчив, неустойчив и непредсказуем сам человек, волей-неволей на нее воздействующий. Это единственное, в чем Сталкер твердо убеждается в ходе неоднократного тут пребывания. Другими словами: он каждый раз убеждается в своем незнании и в своем осознании этого незнания. Сталкер *знает только то, что он ничего не знает*: не знает своих спутников, не знает самого себя, не знает, наконец, каким образом поведет себя Зона. Опыт, который им каждый раз заново извлекается, — это *опыт знающего незнания, опыт изумления, опыт удивления* непостижимой в своих глубинах действительностью. И Сталкер, поскольку он и на самом деле *сталкер* по призванию, испытывает постоянную духовную тоску по этому темному, до конца неизъяснимому, а возможно и болезненному состоянию души, ибо здесь родится *иное мироощущение, иное видение*, укрепляющее его духовную природу. Вероятнее всего, исключительно за обретением данного опыта он сюда, в Зону, как на *поле охоты*, и ходит и охотится за ним, *как охотится за добычей охотник*. Одновременно Сталкер выступает и в качестве *ловца человек*ов. Вовлекая идущих с ним в одной связке в эту своеобразную *духовную охоту*, он дарует им возможность также к данному опыту причаститься. Но те, кто оказываются в Зоне впервые, точнее, те, кого понуждают воспринимать на первый взгляд обычную заброшенную местность в качестве особого сакрального универсума, конечно же, не могут данный им в возможности опыт распознать в качестве опыта бесценного и основополагающего. Получается, что Сталкер, направляя Писателя и

Ученого к *знающему незнанию*, ведет своих спутников в сторону, прямо противоположную их намерениям. Они-то ведь идут в Зону, будучи уверенными в своем знании: и окружающая их действительность ничего экстраординарного собой не представляет, и себя они уже давно открыли в том плане, что они якобы точно знают, чего хотят. Для одного из них Зона, как мы узнаем вначале, это всего лишь объект познания, для другого — тоже объект, правда, объект такого плана, из которого можно извлечь ни много ни мало, а потерянное вдохновение. В общем, им бы только пробраться в нужное место и переступить порог легендарной комнаты. Но Сталкер, поскольку он не преследует никаких корыстных целей и поскольку для него важен сам путь, *сам процесс соприкосновения* с заново обретаемой действительностью, не склонен к стремительному развитию событий. Он всеми видимыми и невидимыми способами замедляет ход движения и увеличивает трудность пути, что, конечно же, с точки зрения обыденного, обывательского миропонимания, расценивается либо просто в качестве нелепого, чудаковатого поведения, либо в качестве сознательного юродства.

И, в общем, это верно, особенно если принять во внимание и ту единственную зримую снасть, которую Сталкер в ходе охоты использует, а именно: гайки с бинтиками. Посредством их забрасывания он вроде бы выверяет путь, нащупывает безопасные места, указывает в данный момент открывающееся направление. И неудивительно, что вся эта незамысловатая процедура забрасывания снасти вызывает у Писателя, как у человека *совершенно нормального*, лишь явное недоумение и озлобленность. Ни Писателю, выказывающему свое неприятие вслух в связи с таким странным, да к тому же еще окольным продвижением к якобы известной цели («Что же вы, цену набивали? Это же рукой подать!»; «Надоели все эти гайки с бинтиками. Ну их! Вы как хотите, а я пойду!»), ни Ученому, старательно и безропотно завязывающему на гайках бинтики, опять-таки невдомек, что главная «гайка» в данной охоте — это их проводник, сам Сталкер². И именно на его странное поведение и юродливые указания следует здесь, вопреки общепринятой логике, прежде всего полагаться. Ловушки, о которых Сталкер своих подопечных неоднократно предупреждает и в которые они все же попадают, тоже представляются впервые оказавшимся тут людям какой-то идиотской выдумкой. Они просто не распознаются ни Писателем, ни Профессором, ни зрителями, в конце концов, в качестве

²Тарковский, конечно же, неслучайно обвязывает шею Сталкера бинтом. Это, на мой взгляд, очевидный, хотя и трудноуловимый намек на нужное восстановление связей между отдельными элементами целого.

ловушек, и тем более — в качестве ловушек *подвижных* и, к тому же, *смертельно опасных*, тогда как именно таковыми они, по словам этого юродивого проводника, являются.

В довершение всего Сталкер еще и сообщает своим подопечным, что из Зоны не возвращаются той дорогой, какой сюда приходят. Путь назад, или даже попытка остаться на месте, с точки зрения Сталкера, тоже означает своеобразную ловушку. Вроде бы и с трудом найденная дорога остается, и вернуться можно (возвращается же, наконец, Профессор за своим рюкзаком), однако прежний путь как будто зарастает по следам идущих. Эта уловка Сталкера представляется вполне объяснимой: прошлое — это *смертельно опасная ловушка разума* и, соответственно, *наших поступков*. Человек, упрямо живущий в прошлом и ориентирующийся исключительно на выверенную когда-то им самим или же другими людьми схему поведения, по отношению к *сейчас совершающемуся настоящему* находится в ловушке. Соответственно и человек, который все время собирается жить, жить поистине когда-то в неопределенном будущем, по отношению к *сейчас совершающемуся настоящему* тоже находится в ловушке, не менее опасной. Зона — это такой пространственно-временной континуум, где прошлое и будущее сосредоточены в точке *неделимого настоящего*, где все доопределяется, выверяется, решается только *здесь и сейчас* и где человек должен *каждый раз поступать всею своею жизнью*. Но *то*, что очевидно для юродивого Сталкера, отнюдь не очевидно для его нормальных спутников. Ведь всякий обычный человек, желающий покинуть мало знакомую, неудобную и тем более явно непредсказуемую территорию, пойдет назад исключительно по проторенной им ранее тропе, наивно полагая, что это все же меньшее из зол. Всякий обычный человек, несмотря на непреходящую событийность настоящего, на его не подлежащую сомнению очевидность, будет, как правило, ориентироваться на будущее, полагая, что именно там, где-то в легендарной комнате, наконец осуществится самое главное в его жизни, а до этого главного он всего лишь «пишет» черновик, прогуливается по знакомой или малознакомой, но в общих чертах известной местности.

Ближе к концу пути у Писателя складывается совершенно естественное впечатление, что «здесь все кем-то выдуманно», что Сталкер намеренно их запутывает и на словах (Зона «наказывает», Зона «карает», «отсюда не возвращаются»), и на деле (заставляет идти в обход, заманивает в «сухой туннель», толкает в самое пекло Зоны, «мясорубку»). Создавая искусственные трудности, он якобы таким образом властью упивается, деньги зарабатывает. И отчасти Писатель опять-

таки оказывается прав. Сталкер и на самом деле *запутывает, толкает, сталкивает*. Он *толкает* своих подопечных в *неразрешимое*, в *неравное самому себе здесь и сейчас*, где бытие каждый раз является исключительным в своей выраженности, где его единожды оплотняющиеся формы разрушают выявленные ранее закономерности, где все смертельно опасно и где, тем не менее, возможно духовное преобразование. Он *сталкивает, вплотную приближает* других к таинственной, неустанно меняющейся действительности и понуждает их *осознать свое незнание* и увидеть обыденный, замусоренный мир (и себя в том числе) в его особом, *остраненном* обличье. (Не *другой* мир увидеть, а этот же мир увидеть *по-другому*.) Сталкер понимает, что если находящиеся в Зоне люди так и не будут выведены из состояния обыденного догматического сна и не узрят *вещи невидимые*, то и сама Зона, и ее средоточие — заветная комната — окажется для каждого из них последней, *необратимой ловушкой*, каковой она прежде оказалась для его учителя Дикобраза. Используя всевозможные уловки, Сталкер еще и *выслеживает, всматривается, вслушивается, внюхивается*, наконец. Но *выслеживает* он саму Зону, сам ход ее жизни, непредсказуемый, изворотливый, бесконечно многогранный, время от времени замирающий, но сохраняющийся в потенции, время от времени — явственно обнаруживающийся в совершенно непредвидимой ранее форме и, причем, в самом непредсказуемом месте. Одновременно Сталкер *выслеживает* и своих подопечных. Бросая, сталкивая их в самую гущу непредсказуемой действительности, он опять-таки *вслушивается* и *всматривается* в их поведение, поскольку оно незамедлительно отражается на поведении Зоны.

Не будем здесь упускать из виду, что, выверяя формирующееся в данный момент положение вещей, Сталкер попутно выверяет и себя. Его поведение, его внутренняя настроенность также, а может быть и в большей степени, сказываются на поведении Зоны. Несмотря на имеющийся опыт и профессиональную сноровку, он также подвержен изменениям. И у него самого нет никаких гарантий на неизменное пребывание в нужном духовном состоянии. Дикобраз, как мы помним, годами людей в Зону водил, однако «сломалось в нем что-то», и Зона не замедлила отреагировать на его внутренний перелом.

Зона, насколько она может быть истолкована, исходя из слов и поступков Сталкера, является внешним, как бы периферическим продолжением человека. Она *отражает* человека. Однако *отражает* не в том только смысле, что она исключительно *обнаруживает вовне, выражает, фиксирует, воспроизводит* в особой форме его облик. Она

еще и *защищается* от него, *оказывает противодействие* его настырному натиску, его зачастую грубому нападению. Зона *отбрасывает человека в обратном направлении*. Она заставляет его *отступать, ходить кругами*. Зона, выражаясь метафорически, *расставляет ловушки, ловит человека* в свои сети. И в то же время человек является неким узловым средоточием Зоны, ее своеобразным продолжением. Он также *отражает* ее сущностные свойства, *фиксирует, воспроизводит ее облик*; человек есть некое *окно Зоны, ее выход*, где явственнее всего обличается ее противоречивая природа. Человек тоже *расставляет ловушки*. Таким образом он пытается не только *поймать* Зону в свои сети, не только *выказать здесь свою власть над нею*, но и *защититься, отразить ее натиск*. Между Зоной и человеком осуществляется своеобразный *агон, поединок, борьба*, что возможно лишь между началами различными, противоположными и, тем не менее, между началами родственными, любящими, ощущающими неизбежную тоску друг по другу, тоску по взаимопроникновению, по невозможному, и в то же время страстно желаемому, окончательному слиянию. Человек выступает в качестве своеобразного *homo stalker'a*. И, выступая в качестве такового, он не должен в процессе своей охоты использовать такое оружие, такие снасти, применение которых может привести к нарушению и в итоге — к разрушению жизненно важных, незримо сообщающихся между собой узловых сплетений Зоны. Гибель Зоны одновременно влечет за собой и гибель любящего, гибель человека. Эта *охота* должна строиться на бескорыстном, уважительном, доверительном отношении, и прежде всего — на доверительном отношении со стороны человека. Корыстная цель в пределах Зоны (*только для себя* как автономного центра мироздания) — *смертельно опасная ловушка, шаг в ничто*. Такие охотники, хотя они и являются с точки зрения обыденного разума охотниками нормальными, гибнут у самого порога «комнаты» или, подобно Дикобразу, немного позднее. Спасаются, выживают, а в редких случаях и преобразуются лишь охотники юродивые, *те*, кто не идет проторенными тропами и не преследует корыстных целей.

В итоге такого окольного, духовно-принудительного пути, какой изобретается Сталкером по мере продвижения вглубь Зоны, ранее уверенные в себе и в своих поисках путники все же удерживаются на пороге «комнаты». Они сознают себя *неготовыми, незнающими, наконец, недолжными* преждевременно вторгаться в *то*, что ими еще не осознано и не выстрадано. Они не решаются шагнуть в область непредсказуемого, неподвластного рациональному человеческому по-

знанию. Но в том-то и дело, что в осознании своей неготовности, своей беспомощности и слабости перед таинственными силами мироздания зарождается иное мироощущение, иное миропонимание, позволяющее увидеть *этот же, единственный, раз и навсегда данный мир* в неизведанных еще формах, в неизведанной еще своей выраженности.

Выявленные нами аспекты символического образа Зоны понуждают вспомнить о той *своеобразной духовной охоте*, которая представлена в диалогах Платона. Сократ, как его изображает автор, является своего рода *юродивым охотником*, обладающим особым охотничьим мастерством *преследования сущностей* (или *идей*). Как утверждает в своем скрупулезном исследовании Алексей Лосев, вся философия Платона мыслится им *в виде охоты*, в виде *выжидания, преследования, ловли* неких живых существ, отличающихся диким нравом. Лосев показывает, что Платон использует *образы охоты* в отношении самых высоких предметностей. Вот лишь несколько из множества примеров, которые приводятся в его работе: «преследовать» приятное или удовольствие (Gorg. 501 e; Phaedr. 239 c; Phileb. 47 b); «охота» за добрым и за приятным (Gorg. 500 d); добродетель «преследуется» (492 c); «преследовать» благо (468 b); «преследовать» благое и прекрасное (480 c); «преследовать» истину (482 e, 492 c); «окружить кругом», в смысле «победить на словах» или «припереть к стене» (Phileb. 19 a); «порядочный ловчий должен преследовать добычу [...], а не оставлять ее...» (см.: [4, с. 277]), и далее: познание прекрасного «ускользает» при неправильном его «преследовании» (Hipp. Mai. 294 e); доказательство «ускользает» (Phaed. 89 c), как и истина (Parm. 135 d); ищущие истину в непроходимых и темных местах могут «нападать на след» искомого (R. P. IV 432 d) (см.: [4, с. 278]) и т.д. Ученый также приходит к выводу, что охотничья символика используется Платоном и тогда, когда он говорит о взаимоотношении мира идей и мира чувственного. «Чувственность, — поясняет он, — охотится за идеями, чтобы быть чем-то определенным; а идея охотится за чувственностью, чтобы реально осуществиться» [4, с. 279].

Учитывая разыскания Лосева, актуализируем и тот момент, что *юродивым охотником* в свою очередь является и сам Платон как повествователь, неустанно охотящийся за тем, чтобы *уловить, удержать* и, в конце концов, запечатлеть такой *диалогово-антиномический принцип организации текста*, какой явственно отражал бы *структуру этой своеобразной духовной охоты*. Если Сократ является ловчим, организатором процесса выявления сущностей внутри самой выстроенной Платоном текстуальной реальности, если Сократ, испол-

няя роль повитухи, использует известные ему майевтические приемы, дабы облегчить роды души своих собеседников и таким образом высветить искомые им и его подопечными сущности, то Платон, задавая созидаемой им реальности особую диалогическую форму, также является ловчим, также руководит охотой, в которую вовлекаются читатели, и также исполняет при этом роль своеобразной повитухи. Проходя извилистыми, непредсказуемыми тропами этих диалогово-антиномических дебрей повествования, запутываясь, останавливаясь, ходя кругами, возвращаясь вспять, мы явственно ощущаем живое внутреннее напряжение *здесь и сейчас* рождающегося пространства мысли, живой *здесь и сейчас* охоты-дискуссии. И каждый из нас, пустившись на поиски духовной пищи и оказавшись на очередном распутье обустроенного Платоном действия, ищет свои, доселе неизведанные пути исхода из этого по сути своей нескончаемого лабиринта.

Дело обстоит таким образом, что действительность, которую, прибегая к особым майевтическим (или диалектическим) приемам, стремится изловить мыслью Сократ, и которую, прибегая к особой диалогической форме повествования, стремится текстуально запечатлеть Платон, постоянно *ускользает, убегает, скрывается* и в итоге остается непознаваемой и темной в своих глубинах. Ее нельзя поймать «голыми» руками. Ее нельзя обладать, как обладают добычей охотники. Ее нельзя продать. Нельзя продать и сам способ ее ловли, как то делают изворотливые, практичные, хитрые — одним словом, нормальные, неуродивые охотники-софисты, пускающиеся на поиски истины с корыстной целью. Они-то как раз и ведут своих подопечных по проторенным тропам прямо к заветной «комнате» за вполне реальной добычей. Но идущие таким образом и представить себе не могут, что, заполучив эту якобы вполне ощутимую реальность, они оказываются в ловушке. Истина, становящаяся предметом купли-продажи, тут же оборачивается мнимым знанием, истиной доксического мира, то есть ложью. Тогда как умудренный ученым неведением Сократ каждый раз ведет своих собеседников тропами неизведанными, непредсказуемыми, трудно проходимыми. Он, а его устами и Платон, как это вовсе не сложно заметить, не скрывает своих сомнений, своей неуверенности в выборе того или иного пути и зачастую открыто говорит о своей слабости и беспомощности в разрешении возникающих по ходу дела вопросов. И Сократ, и Платон намеренно или ненамеренно, но, тем не менее, постоянно сбивают с толку идущих с ними в одной связке, и в итоге никакой явно осязаемой добычи пустившиеся с ними на поиски истины охотники с собой не уносят, разве что — опыт *знающего*

незнания. Однако он и является реальнейшей реальностью. Именно этот духовный опыт выводит человека из состояния всезнающей повседневности, из состояния «всемства» (Достоевский), именно в этом опыте родится удивление и начинается подлинное философское бодрствование, именуемое диалектикой.

Сталкер, подобно Сократу и Платону, осознает себя находящимся на своеобразном *поле охоты*, где расставлено множество ловушек, где нет прямых и коротких путей к обретению искомым сущностей, где искомое только лишь преследуется и не более того. И несмотря на это, казалось бы, бессмысленное действие, он каждый раз в него вовлекается. Он каждый раз идет новыми, *непредсказуемыми тропами, нападает на след, преследует, запутывается*, начинает заново. И в этом преследовании и неустанных поисках принципиально не овеществляемой истины — его счастье, его достоинство, его свобода, ибо он — Сталкер, *человек-охотник, человек охотящийся, homo stalker. Здесь и сейчас* под неустанным взглядом Зоны, в этом *трудно проходимом, не поддающемся окончательному познанию лабиринте ловушек* он, наконец, ощущает себя *дома*, в том пространственно-временном континууме, который соответствует его сущности. Он отвергает механически объясненную, «нормальную» действительность, поскольку там невозможно свободное самоопределение в отношении к миру как органически связанному с человеком целому, невозможен поступок в свете абсолютной свободы. Понуждая своих подопечных продвигаться окольными путями к якобы известной цели, Сталкер, в конечном счете, понуждает их увидеть обыденный мир в качестве Зоны, в качестве бесконечно центрированной и одновременно во всех своих частях наитеснейшим образом взаимосвязанной действительности.

Зона как конкретное огороженное пространство и на самом деле чья-то выдумка. Она нигде конкретно не расположена, она простирается везде. Это не место для прогулок, не место для игры в сталкеров, не место для условного самоопределения: как я должен себя вести, если бы я оказался в Зоне. *Мы уже в Зоне находимся и волей-неволей принимаем участие в охоте.* Суть дела состоит в том, как распознать действительность в качестве Зоны и как осознать себя в отношении к этой действительности: пускаемся ли мы на поиски истины с целью заполучить изначально гарантированный материальный результат, или же мы добровольно вступаем на тот путь, где отсутствуют какие бы то ни было гарантии, где каждый раз нужно поступать всею своею жизнью и ничего не требовать взамен.

Первый путь — это путь умелых, всезнающих софистов, путь

нормальных современных сталкеров, сталкеров-ученых, сталкеров-экскурсоводов, для которых Зона является только лишь *автономным пространством игры* или же исключительно *объектом познания*, исключительно *предметом купли-продажи*. И, в общем, данный путь считается, как мы можем убедиться, вполне приемлемым. Однако при таком подходе этот таинственный универсум обретает статус *ловушки, ловушки смертельно опасной*, хотя на обыденном уровне в таком своем качестве он не распознается. И чем дольше человек, сам того не зная, в этой незримой ловушке пребывает, и не только пребывает, но и *поступает*, тем все более и более увеличивается опасность тотальной катастрофической ситуации, которая в первую очередь обернется против человека.

Второй путь — это путь Сократа, путь Платона, путь сталкеров юродивых, для которых обыденный мир предстает в качестве Зоны, в качестве *пространства жизни* и одновременно — в качестве *поля охоты* за истинно сущим. Здесь нет проторенных троп, они каждый раз создаются непосредственно самим идущим, здесь все ново и непредвиденно, здесь невозможно достичь конечной точки пути, ибо конец неожиданно оказывается началом, и нужно опять пускаться в путь. Такой способ бытия, по сути дела, социумом не принимается. Это вдумчивое, неспешное, внешне пассивное отношение к миру, основывающееся на чувстве неизбежного духовного изумления, зачастую рассматривается как слабость, безрассудство, чудаковатость или же юродство. Не расценивается в миру в качестве соответствующего истинному положению вещей и тот образ действительности, который с точки зрения данного способа бытия со всей очевидностью высвечивается: «Зона — это [...] очень сложная система [...] ловушек, что ли, и все они смертельны. Не знаю, что здесь происходит в отсутствие человека, но стоит тут появиться людям, как все здесь приходит в движение. . . » [8]. Однако это, на мой взгляд, вовсе не метафорический и не гиперболический образ. Метафорой в словах Сталкера является разве что само имя — «Зона». А в целом это нечто, скорее, напоминающее литоту, то есть самое меньшее, что может быть сказано об окружающем нас мире, но, вместе с тем, очень емкое и точное. Такое видение на самом деле являет собой великую силу, внутреннюю активность и высокую степень духовного развития человека, homo stalker'a, ясно сознающего собственное несовершенство перед истинной реальностью и одновременно — необходимость и возможность самосовершенствования. И чем глубже человек в этом духовном самосовершенствовании укореняется, тем явственнее он различает истинную реальность: человек ловит мир

и может удержать его лишь сетями нравственного подвига, сетями жертвенного упразднения своевольного, эгоистического начала. Но, несмотря на усилия человека, мир, конечно же, от него с неизменным постоянством ускользает и в итоге остается не пойманным, впрочем, и тех, кто его неустанно и главное — бескорыстно ловит, мир также поймать не в силах.

Литература

- [1] *Боева Г.* Трансформация феномена сталкерства в постсоветском культурном пространстве [Электронный ресурс] // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: Сб. ст. — Вып. 1. — СПб.: Ольштын, 2009. — С. 149-156. — Режим доступа: <<http://ec-dejavu.ru/s-2/Stalking.html>>
- [2] *Болдырев Н.Ф.* Жертвоприношение Андрея Тарковского. — М.: Вагриус, 2004.
- [3] *Евлампиев И.И.* Художественная философия Андрея Тарковского. — СПб.: Алетейя, 2001.
- [4] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: В 8 т. — Т. 3: Высокая классика. — М.: Искусство, 1974.
- [5] *Салынский Д.* Канон Тарковского [Электронный ресурс] // Киноведческие записки. — 2002. — № 56. — С. 6-40. — Режим доступа: <<http://www.kinozapiski.ru/article/502/>>
- [6] *Силади А., Ковач А.* Меж двух миров: личность. Духовный путь Тарковского [Электронный ресурс] // Киноведческие записки. — 2002. — № 56. — Режим доступа: <<http://www.kinozapiski.ru/article/504/>>
- [7] *Сильвестрони С.* Фильмы Андрея Тарковского и русская духовная традиция / Пер. с ит. Т. Шишковой. — М.: Библиейско-богословский ин-т св. Апостола Андрея, 2007.
- [8] *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Сталкер: Литературная запись кинофильма (режиссер Андрей Тарковский) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <<http://lib.ru/STRUGACKIE/stalker.txt>>

- [9] *Стругацкий Б.Н.* Интервью Б.Н.Стругацкого в еженедельнике «Секретные материалы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <[http:// zhurnal.lib.ru/p/pawel_g/interwxjubnstrugackogo-ezhenedelxnikasekretnyematerialy.shtml](http://zhurnal.lib.ru/p/pawel_g/interwxjubnstrugackogo-ezhenedelxnikasekretnyematerialy.shtml)>
- [10] *Суркова О.* Хроники Тарковского. «Сталкер»: Дневниковые записи с комментариями [Электронный ресурс] // Искусство кино. — 2002. — № 9. — Режим доступа: <<http://kinoart.ru/2002/n9-article20.html>>
- [11] *Суркова О.* Хроники Тарковского. «Сталкер»: Дневниковые записи с комментариями [Электронный ресурс] // Искусство кино. — 2002. — № 10. — Режим доступа: <<http://kinoart.ru/2002/n10-article24.html>>
- [12] *Туровская М.И.* 7 1/2, или Фильмы Андрея Тарковского. — М.: Искусство, 1991.
- [13] *Тыркин С.* В «Сталкере» Тарковский предсказал Чернобыль: [к 20-летию выхода на экран кинофильма «Сталкер»] [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. — М., 2001. 23–30 марта (# 52). — С. 26–27. — Режим доступа: <<http://www.kp.ru/daily/22517/8372/>>
- [14] *Филиппов С.* Теория и практика Андрея Тарковского [Электронный ресурс] // Киноведческие записки. — 2002. — № 56. — С. 41–74. — Режим доступа: <www.kinozapiski.ru/article/503/>

Надійшла до редакції 25 лютого 2011 р.